

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

В. И. ЧИЧЕРОВ

О ПОРОЧНЫХ ВЗГЛЯДАХ Н. Я. МАРРА И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ В ОБЛАСТИ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Лингвистические теории Н. Я. Марра и аракчеевский режим его последователей не только явились причиной застоя в языкознании, но оказали вредное влияние и на ряд других наук. Марр не ограничивал своих исследований областью лингвистики; он вмешивался также и в смежные с лингвистикой области, оперировал фольклорными, этнографическими, археологическими и другими данными. При этом Марр всегда оставался вульгарным социологом и шел по путям либерально-буржуазной науки¹. Теория Марра вела в тупик не только лингвистику, но и другие научные дисциплины, на которые воздействовало так называемое «новое учение о языке».

Гениальные труды И. В. Сталина в области языкознания нанесли сокрушительный удар по антимарксистской теории Н. Я. Марра и вывели языкознание на широкую дорогу. Явившись крупнейшим вкладом в учение об истории человеческого общества и его культуры, они обогатили все науки — нет ни одной проблемы, при разрешении которой мы не вспомнили бы о гениальных трудах И. В. Сталина по языкознанию. Вся совокупность вопросов, с неизмеримой глубиной освещенных И. В. Сталиным, — вопрос о базисе и надстройке, о происхождении и истории языка, о его внеклассовой природе и отличии от надстроечных явлений, о характере национальной культуры, о форме и содержании и многие другие, — имеет основополагающее значение и для марксистско-ленинского изучения проблем народного творчества, а вместе с тем для борьбы с теориями Марра и его учеников в области фольклористики.

Опубликование трудов И. В. Сталина по языкознанию заставило фольклористов пересмотреть многие установившиеся взгляды. Выполненные по народному творчеству работы следует поставить в связь с работами по этнографии и по литературе. Очевидная связь фольклора и этнографии, фольклора и литературы обуславливает общность и в проблематике этих предметов. Следует напомнить, что народно-поэтическое творчество — один из видов искусства народа, привлекающий весьма пристальное внимание этнографов: оно входит компонентом значительной важности в культуру и быт народных масс. В то же время народно-поэтическое творчество является истоком национального искусства и той

¹ Исследователи, критикующие теорию Марра, справедливо указывают на связи его концепций с философскими положениями А. Богданова. Указание на эти связи см., например, в статье М. Каммари, посвященной второй годовщине выхода в свет трудов И. В. Сталина по языкознанию, «Классическое произведение творческого марксизма», «Большевик», 1952, № 12, стр. 19.

основой, которая дает питательные соки творчеству писателей, композиторов, художников; народное и ученое (говоря словами А. А. Жданова) искусства развиваются и обогащаются во взаимодействии, отражая действительность, имеют важнейшее воспитательное значение. Самая специфика фольклорного материала, следовательно, выдвигает ту же проблематику, что и литература.

Задачи пересмотра в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию многих проблем истории культуры и быта народов уже освещались в печати². Опубликованные обобщающие статьи справедливо выделяли этнографическую тематику, на которой сказалось вредное влияние концепций Н. Я. Марра. Некоторые из этих этнографических тем непосредственно смыкаются с фольклористической проблематикой. Такова прежде всего проблема происхождения и ранних форм народно-поэтического творчества, которую сторонники Марра трактовали как проблему магических истоков всей духовной культуры человечества. Исследуемый материал — и этнографический и фольклорный — с позиций яфетидологов получал ложное освещение. В таком же положении оказывалось изучение предметов материальной культуры, художественной деятельности народа, кустарных промыслов и другого этнографического материала³ и материала фольклорного⁴.

Вопросы истории первобытного общества, происхождения ценностей материальной и духовной культуры, происхождения и ранних форм искусства во всех его видах, проблемы этнической истории народов — вот в основном клубок этнографических вопросов, с которыми соприкасается фольклористика.

Литературоведы, как и этнографы, осуществили значительную работу по пересмотру различных концепций, издавна утвердившихся в науке, и по теоретической разработке коренных вопросов литературы (например, вопросы надстроечного характера литературы и ее воспитательного значения, социалистического содержания и национальной формы советской литературы, социалистического реализма и др.). Первым обобщением деятельности литературоведов явилось проведение уже в начале 1951 г. научной сессии Отделения литературы и языка АН СССР «Вопросы литературоведения в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию»⁵. К прочитанным на этой сессии и позднее опубликованным докладом можно добавить отдельные статьи, доклады, лекции, так или иначе трактующие литературоведческие проблемы в свете трудов товарища Сталина по языкознанию⁶. Проблематика, поставленная литературовед-

² См. С. П. Толстов, Итоги перестройки работы Института этнографии АН СССР в свете труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», «Советская этнография», 1951, № 3.

³ См., например, работы А. В. Супинского и Н. П. Гринковой о народной одежде, публиковавшиеся в 30-х гг. в ж-ле «Советская этнография», некоторые работы по орнаменту — например, статью Н. П. Гринковой «Отражение производственной деятельности руки в русской орнаментике» («Советская этнография», 1935, № 1), книгу Л. А. Диндеса «Русская глиняная игрушка», изд. АН СССР, 1936, и др.

⁴ См. статьи на фольклорную тематику, написанные учениками и последователями Н. Я. Марра и опубликованные в «Яфетических сборниках» (см., например, И. Г. Франк-Каменецкий «Вода и огонь в библейской поэзии», «Яфетический сборник», 1924, и др.), в изданиях Научно-исследовательского института речевой культуры (см. хотя бы работу О. М. Фрейденберг «Миф об Иосифе Прекрасном»), в журнале и сборниках «Советская этнография», в трудах Института языка и мышления АН СССР (см. сборник статей под общим заголовком «Тристан и Иольда», 1932) и др.

⁵ См. «Вопросы литературоведения в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию». Тезисы докладов на научной сессии. Изд. АН СССР, М., 1951; в конце 1951 г. под этим же заголовком вышел сборник статей, включающий 7 докладов из числа стоявших на сессии.

⁶ Среди таких работ заслуживает особого упоминания статья В. В. Новикова «Труды товарища Сталина по языкознанию и вопросы советского литературоведения» (первоначально издана на стеклоглафе как лекция, прочитанная в 1950 г. в Ака-

ческими работами, направлена на выяснение и уточнение специфики литературы и литературоведения.

Исследование вопросов национального характера искусства и его народности, изучение культурного и научного наследия и связанного с ним овладения мастерством, анализ формы произведений искусства, поэтического языка, «классовых» жаргонов и местных диалектов, разработка других важнейших литературоведческих проблем — задачи, к разрешению которых призываются как специалисты в области литературы, так и исследователи народного творчества. Однако непосредственное участие фольклористов в разработке этих общетеоретических вопросов следует признать пока крайне незначительным. В связи с выходом трудов И. В. Сталина по языкознанию в 1951 г. были опубликованы две работы, специально трактующие вопросы теории народного творчества и науки о нем. Это работа В. Г. Базанова на тему «Задачи советской фольклористики в свете трудов товарища Сталина по вопросам языкознания»⁷ и статья А. М. Астаховой «Значение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания для развития науки о народном поэтическом творчестве»⁸. Обе работы, являясь первыми попытками осмысления теоретических проблем народного творчества как особого вида поэтического искусства, смежного с литературой, содержат спорные положения и не затрагивают многих важнейших вопросов науки. Так, в работе В. Г. Базанова главное внимание сосредотачивается на специфической проблеме соотношения личного и коллективного творчества в искусстве народа и обойдены молчанием некоторые важнейшие проблемы, выдвигаемые трудами товарища Сталина по языкознанию на первый план, — например, проблема национального своеобразия народного творчества (а она особенно существенна, в частности, для такой республики, как Карело-Финская, где состоялся доклад проф. В. Г. Базанова), проблема народности произведений массового искусства, проблемы формы и содержания, своеобразия языка фольклора в прошлом и настоящем, истории фольклора.

Первый опыт разработки некоторых проблем, обойденных В. Г. Базановым, — народности массового искусства, истории фольклора, своеобразия языка народного творчества — находим в статье А. М. Астаховой, сосредотачивающей внимание на вопросе о народном творчестве как надстроечном явлении⁹.

Упомянутые нами попытки разработки теории науки о народном творчестве не исчерпывают всего, что делалось и делается по вопросам фольклора. Различные учреждения, развертывающие работы по народному творчеству, — кафедра народного творчества МГУ, секции народного творчества Союза советских писателей в Москве и Ленинграде, кафедры литературы в вузах нашей Родины, научные коллективы исследовательских институтов Академии Наук СССР, ее филиалов и баз, а также исследовательских институтов Академии наук союзных республик, и в первую очередь Украины и Латвии, — ведут повседневную активную работу в области народного творчества, изучая его в свете трудов товарища Сталина по языкознанию. Подтверждением сказанному служат изданные книги, статьи, авторефераты диссертаций, тезисы докладов¹⁰.

демии общественных наук при ЦК ВКП(б); в обработанном виде опубликована как статья в «Ученых записках АОН при ЦК ВКП(б)», вып. 11, М., 1951).

⁷ В. Г. Базанов, Задачи советской фольклористики в свете трудов товарища Сталина по вопросам языкознания. Тезисы, Петрозаводск, 1951.

⁸ А. М. Астахова, Значение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания для развития науки о народном поэтическом творчестве, Изв. Академии Наук СССР, Отд. литературы и языка, т. X, вып. 6, 1951.

⁹ Статья А. М. Астаховой содержит некоторые спорные положения, которые должны быть обсуждены в дискуссиях по общетеоретическим вопросам фольклористики. Безоговорочно все положения статьи не могут быть приняты.

¹⁰ См., например, А. П. Разумова, Значение студенческого движения и политической ссылки в русской фольклористике 60-х годов (П. Н. Рыбников и П. С. Ефи-

* * *

Общетеоретическая проблематика науки о народном творчестве, разрабатываемая в контакте с этнографией и литературоведением, занимает главное место в работах по фольклору. Стремление преодолеть допускаявшиеся ранее ошибки, наряду с разработкой вопросов теории науки, заставили обратиться к выявлению остатков фольклористических концепций Н. Я. Марра и к раскрытию их сущности.

Вопрос об истоках и сущности взглядов последователей «нового учения о языке» на народное творчество приобретает большое значение для борьбы с фольклористической концепцией Марра, так как вскрытие корней ее, определение того, чьи положения она развивает и углубляет,— важно для преодоления допускаявшихся ошибок¹¹.

В области фольклористики теория Марра оказала воздействие главным образом на разработку общих проблем возникновения и развития народного творчества, на изучение истории его отдельных жанров и классического наследства в искусстве отдельных народов. В значительно меньшей мере теория Марра повлияла на изучение советского народно-поэтического творчества. Проблемы развития советского фольклора в условиях социалистической действительности весьма мало заботили и интересовали Марра и его учеников. Их взгляд был обращен на творчество первобытного общества, самое позднее — на творчество европейского средневековья. Если последователи Марра и брали для анализа какие-нибудь более поздние материалы, то лишь для поисков в них следов первобытности.

Из современного народного творчества фольклористы — последователи Н. Я. Марра интересовались преимущественно искусством народов, не достигших стадии капитализма. Не обращаясь к искусству, отразившему социалистическую действительность, Марр и его ученики считали себя хозяевами и непререкаемыми авторитетами в вопросах искусства доклассового, рабовладельческого и феодального общества. Слава знатоков и специалистов по этим периодам развития искусства твердо держалась за Марром и его последователями. По существу целая большая область истории народного творчества, литературы, изобразительного искусства, музыки была отдана на откуп теоретикам и пропагандистам «нового учения о языке»¹².

А. М. Астахова в упомянутой выше статье «Значение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания для развития науки о народном поэтическом творчестве» выдвигает положение, противоположное только что высказанному нами утверждению о влиянии концепций

менко), Петрозаводск, 1951; С. Л. Ильченко, Идейно-политическая направленность украинской народной сатиры на фашистских захватчиков, Сумы, 1951; Славянский фольклор. Материалы и исследование по историческому эпосу славян, Труды Института этнографии АН СССР, Новая серия, т. XIII, М., 1951 и др. Содержательна и интересна статья Дм. Молдавского «За народное творчество, против антинародных теорий», дающая в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию критический обзор изданных по фольклору исследований и сборников (см. «Звезда», 1951, № 9, стр. 129—137). Отдельно следует указать на брошюру А. И. Белецкого «Значение труда И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“ для советского литературоведения» (Киев, 1951) и на его же тезисы «Проблема научного наследства в советском литературоведении» (см. «Вопросы литературоведения в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию». Тезисы докладов, М., АН СССР, 1951). Обе работы А. И. Белецкого содержат ошибочные положения и направлены на реабилитацию сравнительно-исторического метода либерально-буржуазного литературоведения. Ошибки А. И. Белецкого правильно и с глубоким основанием вскрыты в статье Б. Рюрикова «Туман, который надо рассеять» («Литературная газета», 1951, № 61).

¹¹ Историографическая проблематика в этом направлении разрабатывалась Институтом этнографии. Итоги работы были доложены на конференции фольклористов Советской Прибалтики, РСФСР, Белоруссии и Карелии, в Риге в марте 1951 г. Тезисы доклада напечатаны в Риге.

¹² В связи со сказанным большое значение приобретают критические работы по проблеме происхождения искусства.

Н. Я. Марра на фольклористику. В статье А. М. Астаховой читаем: «Влияние Марра на фольклорные изучения не было особенно значительным. Фольклористы больше декларировали о необходимости учета „достижений“ теории Марра в решении основных проблем фольклористики... и вместе с тем должны были сознаться, что пока еще „фольклористика в целом работает без достаточного учета теории Марра и его школы“»¹³. В подтверждение сказанного А. М. Астахова ссылается на дискуссию о сущности и задачах фольклора, проведенную в Ленинградском институте речевой культуры 11 июня 1931 г.¹⁴.

А. М. Астахова права только в том, что вульгаризаторские утверждения Н. Я. Марра нашли прямое применение в фольклористике в работах сравнительно небольшой группы ученых — учеников и последователей Н. Я. Марра, непосредственно исследовавших проблемы народного творчества. Но в отрицании влияния концепции Марра на фольклорные изучения вообще она не права, и ссылка на дискуссию 1931 г. еще ничего не доказывает. Дело в том, что теория Н. Я. Марра, выдававшаяся за марксистское учение в области языка, культуры, искусства, приносила огромный вред не только непосредственными высказываниями Марра и его учеников, но и поддержкой родственных ей теорий и, в первую очередь, космополитической теории исторической поэтики А. Н. Веселовского. Непомерно раздутый авторитет Н. Я. Марра, изображавшегося марксистом, и аракчеевский режим, господствовавший в языкознании и смежных с ним дисциплинах, содействовали сохранению в советской науке разных концепций либерально-буржуазных ученых, возвеличению трудов А. Н. Веселовского, В. Ф. Миллера, Е. В. Аничкова и других. Лингвистические, литературоведческие, исторические, фольклорные взгляды и теории Н. Я. Марра представляют собой дальнейшее развитие теорий буржуазной науки XIX — начала XX в. Смыкание работ Марра с работами вульгарных материалистов и откровенных идеалистов санкционировало враждебные марксизму теории, оживляло их, давало им «путевку в жизнь», препятствовало борьбе с ними. Надо прямо заявить: влияние Н. Я. Марра на исследователей народного творчества было прямым и косвенным. Это явление обусловило проникновение в фольклористику марровских концепций и вело к укреплению и распространению различных космополитических и формалистических теорий буржуазной науки. С этих позиций и следовало критиковать работы, сохранявшие порочные взгляды так называемой исторической школы В. Ф. Миллера, упоминаемые в статье А. М. Астаховой (вульгарно-социологические ошибки, характерные для исторической школы, свойственные также работам по истории М. Н. Покровского и его учеников, в своей основе близки ошибкам и заблуждениям яфетидологов); с этих позиций надлежало критиковать и последователей так называемой теории исторической поэтики, предлагавших подхватить и водрузить над советской наукой не зная марксизма-ленинизма, а зная, «выпавшее из рук А. Н. Веселовского» (см. редакционное предисловие к «Исторической поэтике» А. Н. Веселовского в издании 1940 г.).

Перед исследователями народного творчества и историографами науки о нем стоят серьезные задачи борьбы с разными формами влияния теории Марра; установление в связи с этими задачами генезиса теоретических положений Марра о фольклоре и раскрытие их сущности, следовательно, не является вопросом праздного любопытства, но должно рассматриваться как мероприятие, необходимое для борьбы с пережитками либерально-буржуазных концепций в советской науке о народном творчестве. Только сделав это, мы правильно пойдем верное в своей сущности утверждение о том, что линия последователей Марра в

¹³ А. М. Астахова, Указ. раб., стр. 535.

¹⁴ Отчет о ней опубликован в журн. «Советская этнография», 1931, № 3—4.

фольклористике «оставалась в стороне от основной линии развития фольклористики в советское время»⁵. Действительно, основная линия развития советской фольклористики была определена постановлениями партии о литературе и искусстве, трудами классиков марксизма-ленинизма, творческим осуществлением мероприятий советской власти в области народного искусства, а деятельность фольклористов — последователей Н. Я. Марра не только оставалась в стороне от всего этого, но была диаметрально противоположна линии партии.

* * *

Не будучи фольклористом, Марр не оставил специальных работ по народному творчеству. Но имея большой интерес к нему и зная произведения народного искусства, Марр, а вслед за ним и его ученики, широко использовали фольклор в лингвистических построениях. Кроме Марра в области народного творчества работали его ученики и последователи: О. М. Фрейденберг, И. Г. Франк-Каменецкий, С. Я. Лурье, Б. В. Казанский, М. Г. Тихая-Церетели, В. И. Абаев и другие. Разрабатывая вопросы семантики мотива, сюжета и образа, они публиковали работы на разные темы о «мировых сюжетах» и выискивали их мифолого-космическую основу. К устному творчеству обращались также такие лингвисты, как И. И. Мещанинов и другие сторонники «нового учения о языке». Лагерь последователей Марра в фольклористике пополняли и специалисты по народному творчеству, раньше работавшие в плане компаративистской или формалистической фольклористики.

Этому направлению в фольклористике противостояло подлинно научное, марксистское направление науки, возглавлявшееся А. М. Горьким. В своих многочисленных выступлениях и статьях А. М. Горький, исходя из трудов В. И. Ленина и И. В. Сталина, с марксистских позиций разъяснял вопросы происхождения и развития народного творчества. Своими работами А. М. Горький полностью опровергал либерально-буржуазные и вульгарно-материалистические положения о народном творчестве, выдвигаемые Н. Я. Марром и его учениками. Несомненно зная о работах последователей Марра, Горький не давал им положительных оценок. Более того — как будто прямо против утверждений Марра и его последователей направлены слова А. М. Горького, сказанные им на I Всесоюзном съезде советских писателей: «Историками первобытной культуры совершенно замалчивались вполне ясные признаки материалистического мышления, которое неизбежно возбуждалось процессами труда и всей суммой явлений социальной жизни древних людей. Признаки эти дошли до нас в форме сказок и мифов, в которых мы слышим отзвуки работы над приручением животных, над открытием целебных трав, изобретением орудий труда»¹⁶.

Если А. М. Горький развивал материалистические, марксистские взгляды на народно-поэтическое творчество, то Н. Я. Марр создавал свою концепцию происхождения и развития фольклора, исходя из идеалистических положений либерально-буржуазной науки.

В дискуссиях 1920—1930-х гг. по фольклору высказывалось мнение, что фольклористическая концепция Н. Я. Марра является модернизацией романтико-идеалистической школы мифологов. Даже было предложено назвать фольклористику, развивающую идеи Марра, «неомифологической школой». Такое утверждение было основано на внешнем факте возведения фольклора к мифу и мифологии учениками Марра. Марр и его последователи решительно отвергали указанное сближение.

¹⁵ А. М. Астахова, Указ. раб., стр. 535.

¹⁶ А. М. Горький, Доклад на I Всесоюзном съезде советских писателей (сборник «О литературе», изд. 3, М., 1937, стр. 445).

И действительно, отрицание непосредственных связей взглядов Марра на фольклор с мифологической школой справедливо потому, что эта школа лингвистической базой имела индоевропейское языкознание с его сравнительно-историческим методом (в применении к фольклору этимологическим — по языку или аналогическим — по содержанию мифов). Марр же подвергал ожесточенной критике индоевропейское языкознание, а вместе с ним и трактовку вопросов культуры и искусства индоевропейцами. Концепция мифологической школы была Марром решительно отвергнута. Критические высказывания Марра о методах старых мифологов были всего лишь новым звеном в оценке этой школы, действительно порочной в своих построениях, но не столько по методам исследования, сколько по своему откровенно высказываемому романтико-идеалистическому осмыслению фактов.

Предшественником Марра в критике мифологической школы с позиций либерально-буржуазной науки был А. Н. Веселовский. Уж в 70-х гг. XIX в. Веселовский дал развернутую критику «комбинаций мифологической школы» с позитивистских позиций «чистого факта». Цепь критических замечаний в адрес мифологов Веселовским была завершена в «Поэтике сюжета», противопоставляющей в общем или в частности теорию исторической поэтики различным направлениям науки.

Указания на критику Веселовским существовавших в XIX—XX вв. теорий, и в частности мифологической школы, я делаю в связи с тем, что она фактически предшествует Марру, и это было не случайно. Для понимания основных положений Марра о народном творчестве теория исторической поэтики Веселовского имеет особое значение. Именно в ней лежат истоки фольклористической концепции Марра и его последователей. Совершенно правильно еще в 1935 г. в статье-некрологе «Памяти Н. Я. Марра» М. К. Азадовский указывал, что Веселовский является предшественником и учителем Марра¹⁷. Констатация факта, данная в статье М. К. Азадовского, основана на правильном понимании преемственных связей литературоведческих и фольклорных взглядов Веселовского; но правильно установленные связи в статье Азадовского получили порочное освещение и оценку. В названной статье М. К. Азадовского отразились характерные для исследований 30—40-х гг. возвеличение А. Н. Веселовского и Н. Я. Марра, превознесение их мнимых заслуг и прозвучал призыв к развитию и углублению взглядов Н. Я. Марра на народное творчество.

Критика работ Веселовского, раскрывшая идеалистическую основу его методологии, кажется, должна была бы заставить обратиться к пересмотру и переоценке наследия Марра значительно ранее, чем появились статьи И. В. Сталина, так как связи взглядов Марра с теорией Веселовского были установлены раньше. Однако, вместо пересмотра оценок наследия Марра, была сделана попытка представить ошибкой сделанное указание на генетическую связь взглядов Марра и Веселовского. Эти связи стали открыто отрицаться, хотя и пришлось при этом прямо опровергать признания самого Марра и цитировать его высказывания с купюрами, как это сделала В. А. Миханкова в книге «Николай Яковлевич Марр»¹⁸.

В области фольклористики Марр был защитником теории происхождения фольклора из космического мифа, «явившегося следствием истолкования человеком явлений природы». Эта теория на первый взгляд кажется исключаяющей возможности связей с положениями Веселовского, который заявил: «схема сказки древнее натуралистического мифа и

¹⁷ М. К. Азадовский, Памяти Н. Я. Марра, «Советский фольклор». Сборник статей и материалов, № 2—3, 1935, Изд-во АН СССР, М.—Л., 1936.

¹⁸ В. А. Миханкова, Н. Я. Марр. Очерк его жизни и научной деятельности, М.—Л., 1949.

эпической схемы»¹⁹. Но противоречие между взглядами Марра и Веселовского — кажущееся; оно отпадает при внимательном рассмотрении взглядов Веселовского на природу сказки в свете его теории сюжета.

Веселовский считал, что существуют два типа сказочных повествований: «бесформенные, бессюжетные сказки и собственно сказки, являющиеся художественными произведениями, в которых наличествует сюжет как сложная комбинация мотивов. Первый из этих двух типов повествований не может считаться включающим художественные произведения в собственном смысле этого слова, так как он бесформен и воспроизводит лишь «схему человеческих отношений» (термин Веселовского); второй тип относится к области подлинно художественного творчества.

А. Н. Веселовский нигде и никогда не говорил, что собственно сказка (сказка как художественное произведение народного творчества) древнее мифа. По концепции Веселовского, мифу предшествует бесформенное повествование, воспроизводящее схему человеческих отношений. Веселовский отождествляет «схему человеческих отношений» и «схему бесформенной сказки». Не останавливаясь на явной неправомочности подобного отождествления, в котором ясно выступает вульгарный социологизм, отметим, что из этой-то схемы Веселовский и выводит натуралистический (чему соответствует в терминологии Марра космический) миф.

Таким образом, в теории А. Н. Веселовского эволюция творчества предстает в следующем виде: схема человеческих отношений, переведенная в плоскость прозаического повествования (иначе: схема бесформенной сказки) — миф — сказка (а также и все другие виды народного творчества) — литература. Указанная эволюционная схема вызывает в памяти схему, данную Н. Я. Марром: зачаточное мировоззрение первобытного общества — миф — народное творчество — литература.

Мировоззрение первобытного общества, которым Марр начинает цепочку художественного творчества людей, понималось им именно как схема человеческих отношений, преломленных в сознании, отложившаяся в языке. Было бы неправильно, однако, понимать концепцию Марра как прямое и простое повторение теоретических построений Веселовского. Концепция эволюции творчества, намеченная в «Поэтике сюжетов», может быть названа лишь основой, на которой зародились фольклористические положения Марра. Развивая и усложняя эту концепцию, Н. Я. Марр оперировал лингвистическими материалами и опирался в своих работах на родственные ему и А. Н. Веселовскому построения Леви-Брюля. На связи взглядов Марра и Леви-Брюля неоднократно указывалось. О них говорил С. П. Толстов в докладе «Итоги перестройки работы Института этнографии АН СССР в свете труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»²⁰. На них, характеризуя концепцию Н. Я. Марра, не раз указывал акад. В. В. Виноградов. Он писал, что для Н. Я. Марра, как и для Леви-Брюля, «развитие человеческого мышления в его дологическом состоянии — это цепь фантастических стадийальных трансформаций одного иллюзорного, мистического мировоззрения в другое. Н. Я. Марр не хотел усвоить той материалистической истины, что развитие мышления состоит в росте и обогащении познания предметов и явлений реального мира — в связи с расширением общественной практики»²¹.

Н. Я. Марр утверждал, что люди «мифологически воспринимали окружающую природу»; Марр говорил, что взгляды первобытных людей

¹⁹ А. Н. Веселовский, Собр. соч., т. I, вып. 2, стр. 14.

²⁰ «Советская этнография», 1951, № 3, стр. 4.

²¹ В. В. Виноградов, Критика антимарксистских концепций стадийности в развитии языка и мышления (1923—1940). «Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании». Сборн. статей, ч. I, АН СССР. Институт языкознания, 1951, стр. 85.

на природу и общество были по сути дела иллюзорными, магически-космическими. Подобные утверждения Марра, а равно и Леви-Брюля, как и измышления других идеалистов и вульгарных материалистов о взглядах и особенностях мышления людей первобытного общества, были осмеяны А. М. Горьким еще в 1934 г. (т. е. через четыре года после издания перевода книги Леви-Брюля «Первобытное мышление» с хвалебным предисловием Н. Я. Марра). А. М. Горький в докладе на съезде писателей сказал: «Первобытные люди изображались историками культуры как философствующие идеалисты и мистики, творцы богов, искатели „смысла жизни“»²².

Упомянутые стадиальные трансформации мировоззрения, или, как иногда говорили, «стадиальные смены техники мышления», привидевшиеся Н. Я. Марру при рассмотрении им истории языка, связаны с его теорией революционных взрывов в развитии языка. Подобные утверждения вздорны, порочны в самой основе. Мышление и язык неразрывны. И. В. Сталин опроверг антимарксистскую теорию революционных взрывов языка, утверждавшуюся Марром и его последователями.

Опровержение теории стадиального развития языка и мышления уничтожает и всю концепцию Н. Я. Марра о развитии художественного творчества, согласно которой фольклор ограничивается рамками доклассового творчества и в классовом обществе лишь доживает свой век, сохраняя, как писал Марр, «оформление литературы первобытного общества». «Дологическое мышление» — т. е. особое мышление доклассового общества (по Марру — Леви-Брюлю породившее фольклор и определившее его особенности), — вымысел, разрывающий «цивилизованные народы» и «народы первобытные»; в области художественного творчества «теория» дологического мышления воздвигает стену между фольклором и литературой. Марр же и его последователи это доказывали с полным убеждением. Сказанное подтверждает, например, установочная статья сборника «Тристан и Исольда», изданного в 1932 г. под редакцией Н. Я. Марра, в которой говорится, что разница между литературой и фольклором — разница стадиально-историческая, и предельно резко излагается схема развития поэтического искусства от зачаточного мировоззрения первобытного общества к мифу и от мифа к простейшей литературной ячейке²³.

Утверждение, что в основе народных эпических песен и исторических преданий, а также средневековых романов и повестей и множества подобных произведений лежат религиозные представления «космической стадии мышления», и стремление возвести героев эпических сказаний к мифологическим существам типа божества (чаще всего — «Змея»; ср. марровский «пучок»: Рука-Вода-Змея-Женщина) обнаруживаются в различных работах, издававшихся до опубликования трудов товарища Сталина по языкознанию. Примером такой работы, напечатанной уже после Великой отечественной войны, является статья акад. Н. С. Державина «Кралевич Марко и Илья Муромец (палеоэтнологический этюд)»²⁴. В этой статье Н. С. Державин стирает национальное своеобразие славянского исторического эпоса, выискивая яфетическую основу русских былин и сербских песен. Применяя пресловутый четырехэлементный анализ, Н. С. Державин совершенно произвольно превращает кралевича Марко и Илью Муромца в единое речное божество, подобное «древнему вишапу» — «божеству плодородия и воды». Так выхолащивается из великолепных эпических произведений восточных и южных славян идейное содержание, обуславливающее большое воспитательное значение исторического эпоса и его творческое

²² А. М. Горький, Указ. раб., стр. 445.

²³ «Тристан и Исольда», Сборник «Труды Института языка и мышления АН СССР», 1932, стр. 5.

²⁴ «Советская этнография», Сборник статей, VI—VII, М.—Л., 1947.

развитие. Остается схема, абстракция, неприемлемые измышления, вдохновленные порочными концепциями Н. Я. Марра.

Положения о стадияльно-исторических сменах художественных форм, соответствующих смене дологического сознания (отраженного долитературным творчеством) логическим сознанием (выраженным в литературе), установка на анализ сюжета, точнее, схемы сюжета, были некоторыми фольклористами ошибочно поняты как основа для работы по историческому осмыслению произведений народного творчества.

Самый взгляд на миф и обряд как на истоки народно-поэтического творчества, свойственный Марру и его последователям, является вариацией популярных и ныне в капиталистических странах теорий религиозно-обрядового происхождения фольклора и также увязывается с теорией Веселовского. Доказательством сказанного служит, в частности, и безоговорочное признание Н. Я. Марром и его последователями положений А. Н. Веселовского о первобытном синкретизме искусств, в котором обряд выявляется как стимул развития художественного творчества.

Теория первобытного синкретизма искусств выводит художественное творчество не из общественно-полезной трудовой деятельности людей, а из ритмически повторяемых мускульных усилий работающего человека. Веселовский в этом отношении является единомышленником вульгарного социолога Карла Бюхера. Оба они снимают проблемы эстетического отношения к действительности и специфики искусства, которое и на первоначальных ступенях своего развития являлось своеобразной формой образного мышления. Образное мышление, по теории первобытного синкретизма, связывается с магически-обрядово-игровым действием. Древние формы магического обряда и религиозного осмысления действительности, таким образом, представляются материнским лоном искусства. Вопрос о том, что и когда порождает отношение людей к тому или другому произведению как к произведению искусства, подменяется вопросом о религиозном, мифическом осмыслении природы.

Эта идеалистическая концепция соответствовала самым основам фольклористических взглядов Марра, представлявшего «космическое мышление» — «мифотворчество» предшественником народного художественного творчества (понимание мифотворчества Марром и его учениками не имеет ничего общего с пониманием мифологии К. Марксом; напомним, что К. Маркс определял греческую мифологию, как бессознательно-художественную переработку природы и общества).

Процесс создания произведений словесного народного творчества, согласно теории первобытного синкретизма, происходил путем отпочковывания их, выделения из недифференцированного искусства, с развитием в нем «личного начала». При этом, по Веселовскому, простейшей ячейкой, из которой вырастает художественное произведение, является мотив. А. Н. Веселовский определяет мотив как «формулу, отвечавшую на первых порах общественности на вопросы, которые природа всюду ставила человеку, либо закреплявшую особенно яркие, казавшиеся важными или повторявшиеся впечатления действительности»²⁵.

Теория Веселовского утверждает существование первоначально возникавших формул, зародышевые ячейки которых являлись смысловыми (иначе говоря семантическими) пучками. Из них-то и вырастал сюжет. Основной образ такого смыслового пучка всегда содержит в себе объединение противоположных представлений. Развитие мотива в сюжет идет путем отпочковывания от основного образа вторичных, долевого дробления их по смежности или по противоположности, превращения единичного во множественное²⁶.

²⁵ А. Н. Веселовский, Собр. соч., т. 2, вып. 1, стр. 3.

²⁶ См. там же, пример со старухой и красавицей.

То, что Веселовский говорит относительно развития сюжета, было почти безоговорочно принято исследователями вопросов поэтики древней и средневековой литературы. Языковеды также смотрели на теорию мотива и сюжета Веселовского как на бесспорное завоевание филологии. Н. Я. Марр и его последователи, разрабатывая вопросы семантики, фактически переводили в плоскость лингвистики эту теорию.

Яфетидология многократно обращалась к различным произведениям средневековой и древней литературы, к произведениям народного творчества. Эпос народов Кавказа, русские сказания и сказки, романы, повести и фольклор народов Европы привлекали внимание сторонников так называемого «нового учения о языке». В центре их интересов отнюдь не стояли вопросы идейно-политической значимости произведений, воспитательной роли литературы, ее общественной ценности. Последователей Марра волновала абстрактная схема сюжета, вопросы ее возникновения и распространения. Эти вопросы были поставлены формалистической теорией Веселовского; в плане разработки их и развертывались исследования Марра и его учеников.

Среди очередных задач, стоящих перед наукой, Марр прямо называл изучение «средневековых романов и героических повестей из космических переживаний в устной речи»²⁷. Выполняя поставленную задачу и развивая положения и мысли о средневековом романе вообще и о «Тристане и Исольде» в частности, высказанные Марром в различных статьях, коллектив научных работников под руководством Марра предпринял изучение знаменитого французского романа о «Тристане и Исольде». Раскрывая цель и задачи работы, вводная статья сборника указывает: «Н. Я. Марр ...давал установку на стадильность основная мысль Н. Я. о сюжете «Тристана и Исольды» заключалась в том, что сюжет не рождается из ничего, но что его история есть история его развития, т. е. что он построен на семантическом пучке, отражающем мышление «космической» стадии, обусловленное производственным процессом первобытного общества»²⁸.

Итак, А. Н. Веселовский в «Поэтике сюжетов» выдвигает положение о мотиве как смысловом пучке, из которого развивается сюжет. Н. Я. Марр и его ученики в работах по языкознанию, по-существу, с мотивом отождествляют семантический пучок и из него выводят формирование и развитие сюжетной схемы.

«Разрезы семантического клубка», путем четырехэлементного анализа слов произвольно наматывающие понятия одно за другим, по теории фольклористов -- последователей Марра, развиваются в сюжет. Развитие идет от целостного к дробному, от единичного к множественному. Во всех построениях этого направления фольклористики налицо спонтанное развитие произведения, развитие «самого из себя», вне жизни и общественной деятельности людей. Фактически мысль абстрагируется от действительности. В основу положена идея создания произведений из отвлеченной мысли, а не отражения конкретно-исторической действительности.

Произведения разных народов и разных исторических эпох насильственно соединялись путем семантического анализа. Совершенно в духе Веселовского Марр сближал явления разного порядка. Основанием для делаемых сближений явилось положение Марра об «этнических залежах общего субстрата» и о том, что «нет племенных культур, отдельных по происхождению, а есть культура человечества определенных стадий развития».

²⁷ Н. Я. Марр, Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык, Избр. работы, т. V, стр. 520.

²⁸ «Тристан и Исольда. От героини любви феодальной Европы до богини матриархальной Афревразии», Труды Института языка и мышления АН СССР, 1932, стр. 3.

Мысль о том, что культура племен не знает специфики, что она лишь в частности варьирует стадиальную общность, вела Марра к зачеркиванию своеобразия искусства разных племен. Эпос и литература народов обобщались, различия не принимались во внимание, так как, по мысли Марра, основа их была общая — яфетидологическая и эта основа довлела надо всем.

Тезис о едином этническом субстрате в области фольклористики обосновывал положение о якобы существовавшем единстве эпических сюжетов, к которым генетически восходят произведения эпоса народов Европы, Азии и Африки. Яфетический эпос, сохранившийся, по выражению Марра, в обломках, характер которого определяется мифолого-космическими представлениями людей, согласно взглядам Марра и его последователей, определил собой последующее развитие художественной литературы и фольклора. По-существу эта теория является теорией вечности и международной сюжетов, дающей обоснование игнорированию национальных особенностей творчества, столь типичному как для работ школы Веселовского, так и для работ школы Марра. «Палеонтология» сюжета неизбежно вела к формальному сопоставлению сюжетных схем, абстрагируемых от конкретно-исторической действительности и этнических особенностей произведений. Именно такие образцы фольклористического анализа давал Марр; такие образцы имеем и в работах его учеников (О. М. Фрейденберг, И. Г. Франк-Каменецкий, М. Г. Тихая-Церетели и др.). Таковы же исследования всех компаративистов, включая, с одной стороны, теоретиков финской школы — Вальтера Андерсона и других, а с другой, — последователей А. Н. Веселовского, например, В. М. Жирмунского²⁹. Яфетидологическая фольклористика в теории отрицала возможность заимствования произведений искусства и фактов культуры; на деле же она катилась к компаративизму в его самой обнаженной редакции и по существу смыкалась даже с финской (скандинавской) школой — одним из наиболее ярких выражений буржуазного космополитизма в фольклористике.

Абстракция произведений литературы и фольклора, выражаемая в «схемах международных сюжетов», обосновываемая «палеонтологией мотивов и сюжетов», характеризующаяся также увлечением и злоупотреблением семантикой, вульгарно-социологической трактовкой проблемы стадильности, — органически соединяется с вырыванием художественных произведений из конкретной исторической действительности. Компаративизм и формализм — типическая черта и веселовщины, и тесно с ней связанной фольклористической концепции школы Н. Я. Марра. Борьба со взглядами Марра в фольклористике, таким образом, является частью общей борьбы с буржуазным космополитизмом в литературоведении и филологии. Теоретические взгляды Марра и его последователей на фольклор враждебны марксистско-ленинской науке о литературе и народном творчестве не только «труд-магической тарабарщиной», согласно которой искусство в конечном счете выводится из ранних форм религии, не только компаративизмом и формализмом в рассмотрении народного творчества и литературы, но и отрицанием фольклора современности. Самый тезис школы Марра о том, что фольклор является бесписьменной литературой доклассового общества, которая при смене общественных формаций, при новом содержании «сохраняет оформление литературы первобытного общества», заставляет понимать народно-поэтическое творчество как анахронизм, сохраняющий неизменной форму. Такое понимание противоречит марксистско-ленинскому учению о единстве формы и содержания и в сущности является вариацией популярной в буржуазной науке

²⁹ См., например, статьи В. М. Жирмунского: «К вопросу о литературных отношениях Востока и Запада»; «Литературные отношения Востока и Запада»; «Алишер Навои и Ренессанс»; его книгу, написанную в содружестве с Х. Зарифовым, «Узбекский народный героический эпос», и др.

теории фольклора как «культурного реликта». Утверждение неизменности формы фольклора Марром и его последователями можно объяснить только непониманием ими сущности народного творчества, которое постоянно развивается и обогащается, непониманием совершающихся в условиях социализма процессов, тем, что филологи, следовавшие за Марром, не видели действительности, не видели расцвета народного творчества во всех областях жизни. Сторонники теории Н. Я. Марра во имя стремления представить творчество народа мифолого-космическими сказаниями, доживающими в современности свой век, закрывали глаза на действительную жизнь, отворачивались от сегодняшнего дня. Обращение к прошлому становилось самоцелью и проводилось без внимания к актуальным задачам современности.

В свете трудов И. В. Сталина по языкознанию перед каждой наукой, в частности и перед фольклористикой, встают важнейшие методологические, теоретические вопросы. Это — вопросы, без решения которых никакая наука не может жить и развиваться. В порядке самокритики надо признать, что фольклористы еще медленно работают и оставляют многие вопросы в стороне. Только немногие проблемы вызвали теоретические высказывания специалистов по народному творчеству; нетронутыми остаются такие важнейшие вопросы, как, например, проблема формы и содержания в народно-поэтическом творчестве, проблема языка и словотворчества в фольклоре³⁰, поэтической образности и ее исторического развития и многие другие. Что касается разработки проблем, уже привлекавших внимание исследователей, то надо сказать, что она ведется недостаточно широко. Необходимо развернуть, развить, расширить эти исследования.

Советская наука имеет все данные для постановки, изучения и правильного разрешения указанных проблем. Советские фольклористы в дружной, коллективной работе решат назревшие вопросы, осветят пути развития народно-поэтического творчества. К этому обязывают труды И. В. Сталина по языкознанию, животворящая, оплодотворяющая сила которых ощущается всеми повседневно при решении общих и частных вопросов науки.

³⁰ Разработка этой проблемы только сейчас начата. См. статью И. А. Оссоленко «Об изучении языка русского фольклора» в журн. «Вопросы языкознания», 1952, № 3.